

**ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ
ПО ПОВОДУ СТОЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЬВА ШЕСТОВА-ШВАРЦМАНА
(1866—1948)**

*Мария же избрала благую часть,
которая не отнимется у нее.*

Лук. 10, 42.

Можно принять или отвергнуть основную тему — «многотему» — Льва Шестова: человек свободен выбирать и избирать руководящие ценности, идеи и образы для прохождения своего духовного пути. Но одно мы должны признать за Л. И. Шестовым: его необычайную оригинальность, в своем роде единственность, как в основном замысле его философско-мирозерцательного творчества, так и в оригинальности проведения этого замысла и в его литературном оформлении и воплощении.

Ведь давно уже было замечено, что религия и философия находятся, сплошь и рядом, в положении соперничающих инстанций, в борьбе за овладение человеческой душой. Что это вопрос для Л. И. Шестова кардинальный, от которого зависит судьба человека, его *to be or not to be* — быть или не быть — особенно человека, живущего мыслью, видно из вопроса, на который заранее предполагается, согласно Л. Шестову, отрицательный ответ, вопрос, поставленный в одной из самых значительных книг этого мыслителя с выразительным заглавием «Власть ключей» (*Potestas clavium*): «Признавал ли философ Бога?».

Здесь надо оговориться, что речь идет не о сочетании философии и веры в Бога, что встречается постоянно и чаще, чем это обыкновенно думают, но о чистой форме науки и философии, форме, выделенной из всех возможных соединений, которых множество и при том множество неопределенное...

В другом месте Л. Шестов цитирует в качестве доказательства текст Плотина, где философия признается «самым ценным». Для Л. Шестова, да и для каждого по-настоящему религиозного человека самым ценным является Бог. На любви к Богу и к ближнему (оба эти вида любви неотделимы друг от друга, согласно Слову Божию) основываются «За-

кон и пророки», то есть та совокупность высших духовных и ведущих ценностей, которые верующие люди исповедуют как *Слово Божие*. Вот мы в центре идей Л. Шестова, в центре его «монофемы».

Среднее и высшее образование Л. И. Шестов получил в Киеве, и в Киеве же увидели свет его первые труды, в которых сразу же сказалась его высокая оригинальность мысли и блестящий литературный талант. Обе первые книги «Апофеоз беспочвенности» и «Шекспир и его критик Брандес» — отмечены печатью независимости и антипозитивизма. Это были перлы уже тогда начинавшегося русского Ренессанса.

Впоследствии Л. Шестов сделал своим местопребыванием обе русские столицы — Петербург и Москву, а после революции, по вполне понятным причинам, эмигрировал и сделал своим местопребыванием Париж, где и скончался в 1948 г.

Период его полной литературной и миросозерцательной зрелости начинается с прекрасной книги «Добро в учении гр. Толстого и Ницше», вышедшей в 1900 г. Далее следуют: «Достоевский и Ницше» (1902), «Начала и концы» (1908), «Potestas clavium» — «Власть ключей» (1916), «Откровения смерти» (по-французски: «Les révélations de la mort»), «Гефсиманская ночь» (о Паскале, по-французски: «La nuit de Gethsémanie», 1923), «Скованный Парменид» (Париж, 1929), — вошла составной частью в «Афины и Иерусалим»; «На весах Иова» (1929), «Киркегаард» (Париж, 1938) — очень характерная «лебединая песня отходящего от мира философа с именем великого мыслителя, сделавшегося своеобразным центральным солнцем «верующего экзистенциализма».

Л. Шестов одинаково силен как в цельных, до конца разработанных произведениях, так и в собраниях фрагментов и афоризмов, а также небольших этюдов. Он напоминает Лейбница в том смысле, что каждое такое его произведение, от крупных и увесистых, до небольших этюдов и опытов, всегда содержит целиком его основной замысел. В этом отношении его литературно-мыслительские преимущества громадны; и его следует причислить к величайшим создателям изящной философской прозы на русском языке.

В общем, несомненно, прав С. Л. Франк, называя Л. Шестова «сильным, но узким мыслителем». Только здесь лучше всего было бы употребить выражение «моноидеистический мыслитель». Однако необычайная способность к варьированию этой «моноидееи» не только не делает его «узким», в

дурном смысле слова, и повторяющимся, но, наоборот, очень разнообразным и даже многоцветным. Монодиезм же сообщает всему этому многообразию солидную крепость и выдержанность.

Понять Л. Шестова лучше всего, исходя из его любимцев в мире мысли, которые разбудили в нем его собственную мысль и продолжали быть на его жизненном пути «вечными спутниками» — говоря языком Д. С. Мережковского. Помимо Св. Писания обоих Заветов, он чаще всего цитирует Плотина (гораздо чаще, чем Платона), Тертуллиана, блаж. Августина, Лютера, Паскаля, Достоевского, Ницше, Киркегаарда, а одно время он очень увлекался Вячеславом Ивановым, которого хотя и величал «упадочником», но очевидно, что этого рода «упадничество» очень много говорило его чувству изящного и любви к классической древности и к древним языкам, редчайшим знатоком которых был Вячеслав Иванов. Классиков и вообще греческих и римских писателей, равно как и писателей Западных, он всегда цитирует в подлиннике, что сообщает его произведениям такую же остроту и эстетическую прелест, как и произведениям Шопенгауэра и о. Павла Флоренского. Вообще, Л. Шестов — одна из вершин русской философской культуры. И когда ему приходится «разоблачать» и «обличать» ценности этой культуры, особенно в ее упаднических и безбожно-материалистических формах (что бывает и у великих мыслителей, писателей и общественных деятелей), — он пользуется всегда и неизменно оружием еще большей культурной силы и идеологической глубины, идеологического блеска. В этом его несравненная сила и острота — да иначе и нельзя: «Побеждает тот, — говорит Вильгельм Виндельбанд, — кто пользуется вновь открытым лучшим оружием на новом поле брани». Никогда не надо забывать того, что Сократ победил софистов потому, что был сильнее их не только по знаниям, но и в трудном деле диалектической техники. С философией и с философами Л. Шестов всегда и неизменно сражается и их побеждает философским же оружием.

Среди творений Л. Шестова есть одно — «Скованный Парменид» — небольшого размера, всего 86 стр., — но в котором с необычайной силой, остротой и литературным блеском сосредоточены все любимые идеи и приемы мысли и полемики Л. Шестова. К этому присоединены еще мотивы человеческого достоинства и свободы в связи с

человеческим, или, лучше, с богочеловеческим всемогуществом — правда, потенциальным, но готовым в каждый данный момент и в должной ситуации верующего дерзания быть реализованным в порядке чуда... Впрочем, здесь даже речь идет не столько о чуде как единичном акте, сколько о переходе верующего или верующих в иную сферу, в иной план бытия, где кончается царство необходимости, царство свободы и начинается совершенно иной план бытия. Такую изумительную, в совершенно новом духе написанную пророческую и эсхатологическую вещь мог написать только тот, кто вполне выстрадал все этапы хождения души, подпавшие искущению и вкушившие от «запретного» плода древа познания добра и зла. Это одна из любимых и центральных тем Л. Шестова, в силу чего его надо причислить к разряду сильнейших амартологов, то есть мыслителей на тему о первородном грехе и его последствиях.

«Скованный Парменид» отличается еще и тем, что метафизическая основа его вполне библейская, общий же идеологический план и амартологические вариации взяты в духе тематики и героев античного, главным образом, древнегреческого мышления. По этой причине «Скованный Парменид» надо отнести к числу гениальнейших схолий, к основным этапам древнегреческой и, вообще говоря, античной философии.

Для Л. Шестова характернейшим признаком падшего мира и падшего человека, погруженного в этот мир и отведавшего плодов познания добра и зла, была утрата способности видеть в Боге свободно повелевающего и свободно творящего Творца и Промыслителя мира, к которому Его чада могут обращаться с такою же свободной молитвой, с помощью которой они могут творить что хотят, превращая свою жизнь и жизнь мира в дивную поэму любви и свободы, в длящийся рай, в «творимую легенду». Вместе с злосчастным вкушением в мир вошла ужасающая сила обращать все, в том числе и живых людей, в «камни». В науке и в философии это свойство именуется «естественней необходимостью», «естественной и закономерной связью вещей», заменой свободы — необходимостью, словом, тот процесс, естественным и необходимым концом и завершением которого является смерть. И живой Бог, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова — Тот Бог, Которому можно и должно молиться и Который по

Своей бесконечной благости и любви не откажет Своим чадам, этот Бог — сокровище таких людей, как Паскаль, Тертуллиан, блаж. Августин — заслонился «Богом философов и ученых», тем самым Богом, который однажды создал мир с естественной причинной связью вещей в нем, но потом уже ничего не создает, но лишь повинуется созданным им закономерностям. Бог стал ничего не слышащей, не внемлющей ни благословениям, ни проклятиям «Судьбой», «Необходимостью», «Мойрой», «Атэ» и Сам сковал Себя и сковал философа Парменида, который оказался рабом этих ужасных истин, связанных естественной связью вещей. И все это так пошло — от Парменида и до Гегеля и от Гегеля до наших дней — и все поверили тому, что так этому и быть, и что переменить здесь ничего нельзя. И страшный Горгона, — вышедший в мир вместе со смертью и с змиевым искущением, со своею ужасающей властью, держится убеждением и ложью, ложной верою, вытеснившей веру истинную, что так тому и быть, что «естественный порядок вещей» неотменим и, главное, ни в коем случае не должен быть отменяем, что этого даже нельзя желать, ибо это «ненаучно». А право на существование имеет только та философия, которая себя связала «естественной необходимостью» и с этой необходимостью связанными «истинами». Парменид, Аристотель, Эпиктет, Спиноза, Кант, Гегель и проч., хотя и страдают и стонут, но обязаны повиноваться Горгоне «причинной зависимости» и призывать к этому же своих учеников и слушателей. Большинство богословов должно быть тоже отнесено к той же категории, и мир «так мудро устроен», что в нем большие государства с такой же закономерностью поглощают малые, как в море большие рыбы поглощают малых, и что такой «порядок» (а может быть, и беспорядок?) очень хорош, потому что такова «естественная связь вещей», предписанная «Богом философов и ученых».

И, ссылаясь на многочисленные чудеса Ветхого и Нового заветов — во главе с чудом Воплощенного, Распятого, Погребенного и Воскресшего Бога — великий мыслитель, великий воистину, ибо за ним стоит Слово Божие, объявляет грандиозное восстание против «естественногорядка вещей», против змия, его породившего, и против рабского духа, принуждающего человека и мир к нечестивой покорности духу тьмы.

И в конце этого изумительного, воистину благовестующего творения Л. Шестова «Скованный Пармснид» мы читаем такие напитанные христианским духом слова:

«Жало смерти не щадит ничего: нужно овладеть им, чтобы направить его против самой Ананкэ („необходимости“)» (стр. 85).

Но это и значит исповедание на философском языке величайшей победоносной истины, выраженной в воскресном тропаре:

«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».